

DOI: 10.56429/2414-4894-2024-47-1-96-110

Трунов Филипп Олегович
канд. полит. наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН.
Москва, Ленинский проспект, 32А
ltrunov@mail.ru

**ПОДХОД ФРГ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ВНЕ ЗОНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НАТО:
МОТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ИЛИ ГЕОПОЛИТИКИ?**

Trunov Philipp O.
Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher,
Institute of World History RAS.
Moscow, Leninskij prospect, 32A
ltrunov@mail.ru

**GERMAN'S APPROACH TO THE USAGE
OF MILITARY TOOLS OUTSIDE NATO'S ZONE
OF RESPONSIBILITY: THE REASONS
OF INTEGRATION OR GEOPOLITICS?**

Аннотация. Во внешней политике ФРГ отмечается постепенное смещение в пользу второго баланса факторов учета исторической ответственности Германии как агрессора во Второй мировой войне и стремления к обеспечению предельно широкого военно-стратегического присутствия на мировой арене. Это объективно стимулирует к увеличению числа геополитических детерминант в использовании бундесвера вне зоны ответственности НАТО. В статье предпринята попытка показать соотношение этой группы причин с интеграционными. Исследование подготовлено с опорой на источники Бундестага, Ведомства федерального канцлера, Министерства обороны ФРГ и НАТО. Используются положения неореализма и неолиберализма, применен метод сравнительного анализа.

Значимость геополитических мотивов в военно-стратегической деятельности ФРГ последовательно показывается на Балканах, в Сомали (Африкан-

ский рог), Афганистане (Средний Восток), на Ближнем Востоке и в северной части Африки. Показаны возможности камуфлирования исследуемых причин под интеграционные. Заметное увеличение вклада и роли Германии в выстраивание «либеральными демократиями» системы «сдерживания» ключевых незападных держав (Россия, Китай, Иран) де-факто сопровождается ростом геополитической причинности при использовании ФРГ военного инструментария на глобальном уровне. Это приведет к снятию неофициальной табуизации, открытому обсуждению данных факторов в германском общественно-политическом и научном дискурсе. Сделан вывод о повышенной значимости факторов геополитики для исследуемого использования бундесвера, особенно на важнейших направлениях данной деятельности (в Афганистане и Мали).

Ключевые слова: Германия, бундесвер, военное присутствие, глобальный уровень, интеграция, ассоциирование, геополитика.

Abstract. FRG's foreign policy has been facing the shifting the balance between two groups of factors to the second one. The groups are the historical responsibility of Germany as the key aggressor in the Second World War and German's interest to ensure the widest possible military-strategic presence on the world stage. The growing importance of the second factor stimulates the growing of geopolitical determination in the usage of the Bundeswehr outside the NATO's zone of responsibility. In this regard the article tries to explore the ratio between the geopolitical and integration reasons. The scientific paper bases on the usage of the documents of the Bundestag, Office of the Federal Chancellor, Ministry of Defence and also NATO. The author uses the neoliberalism and neorealism theories, the method of comparative analysis.

The article explores the importance of geopolitical reasons in Germany's military activity in the Balkans, in Somali (the Horn of Africa), Afghanistan (the Middle East), in the Near East and in the northern parts of Africa. The author shows the opportunities for camouflage of geopolitical reasons under integration in FRG's military activity. FRG has been increasing noticeably the contribution to and role in the system of confrontations between the "liberal democracies" and key non-Western actors (Russia, China and Iran). The tendency is de-facto accompanied by increasing importance of geopolitical reasons in German military activity at the global level. It will lead to removal of informal taboos, open discussion about the role of geopolitical factors in German socio-political and scientific discourse in the future. The scientific paper stresses the importance of geopolitical factors for the usage of the Bundeswehr outside the NATO's zone of responsibility, especially for the key cases (in Afghanistan and Mali).

Key words: Germany, Bundeswehr, military presence, global level, integration, association, geopolitics.

Введение

ФРГ представляет редкий для стран «коллективного» Запада пример «восходящей» державы. Внешняя политика в целом и особенно подход к использованию национальных вооруженных сил выстраивались исходя из двух основополагающих рамочных условий: учет исторической

ответственности Германии как основного агрессора во Второй мировой войне и одновременно стремление к поступательному, в том числе в плане расширения географии применения, развитию использования бундесвера. Длительное время официальный Бонн/Берлин как минимум де-юре стремился отыскивать на практике баланс между двумя этими, во многом противоречащими друг другу, положениями. В частности, в период конфронтации Запад—Восток существовал запрет на использование бундесвера вне зоны ответственности НАТО, после снятия этого правового ограничения в 1994 г. Германия стремилась подчеркнуть небоевой (несиловой) характер использования войск за пределами Евро-Атлантического сообщества [23]. Притом практически неизменно ФРГ вписывала свою военную активность в многосторонние усилия, прилагаемые обычно государствами — партнерами по НАТО и ЕС.

Тенденция смещения баланса в пользу демонстрации глобальной субъектности в ущерб исторической ответственности заметно усилилась в начале 2020-х гг. Официальный Берлин резко увеличил свой вклад в «сдерживание» РФ (как правопреемницы СССР, который наиболее сильно пострадал от нацистской агрессии и оккупации в ходе Великой Отечественной войны) как в вопросе комплектования группировок НАТО, нацеленных на «сдерживание» России [16], так и поставок летальных вооружений и военной техники (ВиВТ) с целью противодействия специальной военной операции [9]. Параллельно проявились симптомы готовности ФРГ к участию в еще одной конфронтации — между США, растущей группой их партнеров и КНР [1], притом что именно Китай стал основной жертвой агрессии милитаристской Японии (союзника Третьего рейха по «Оси») в ходе Второй мировой войны.

Этот дрейф линии Германии на международной арене в сторону от приверженности концепции «стратегической сдержанности» ставит вопрос и о том, насколько полным стал переход ФРГ от геополитических мотивов к интеграционным, провозглашенный еще канцлером-основателем страны К. Аденауэром. Начав движение по пути воссоздания военной мощи и в целом подготовки реализации державных амбиций, Боннская республика стала «растворять» свои национальные планы и усилия в многосторонних, став органичной частью «либеральных демократий». К числу основных ценностей этого сообщества относится не только приверженность мультилатерализму, но и взгляд на вопросы безопасности и обороны сквозь призму интеграционных уз, выстраивания системы партнерства «коллективного» Запада как общности с внешними игроками на международной арене.

Цель статьи — исследовать соотношение интеграции и геополитики применительно к военно-стратегической активности ФРГ на мировой арене. Следует подчеркнуть, что не только в зарубежной, но и в отечественной историографии данная проблематика пока не получила достаточного освещения.

Материалы и методы

Развитие этого процесса с участием «либеральных демократий» в целом и ФРГ в частности, с 1990-х гг. приобретая все более глобальный характер, неизбежно поднимало проблемы геополитической и геоэкономической детерминированности. В отличие от второй [22], первая применительно к политике современной Германии в существенной мере табуирована [8], как и дискуссия о полноте реального суверенитета страны. Основная причина этого — стремление предельно подчеркнуть глубокие отличия самой природы государства (как института власти), внешней политики ФРГ от Второго и особенно Третьего рейхов, когда геополитическим аспектам уделялось исключительное внимание [12].

Исследование проведено с опорой на корпус официальных внешнеполитических источников ФРГ — документов профильных ведомств (Ведомства федерального канцлера [18—20], Министерства обороны [7, 13, 14, 17, 21, 23], Бундестага [3—6, 9, 24]), а также на материалы Североатлантического альянса — основного носителя многосторонней военной мощи «коллективного» Запада [15, 16].

Использованы положения парадигмального плюрализма, который допускает возможность сочетания школ неореализма и неолиберализма. Основными методами исследования избраны ивент- и сравнительный анализ.

Результаты исследования

С момента старта в первой половине 1990-х гг. военной деятельности вне зоны ответственности НАТО расширение географии использования бундесвера подавалось в контексте позиционирования ФРГ как провайдера безопасности и стабильности в различных частях мира. В данной связи наибольшее внимание официальный Бонн/Берлин уделял участию в урегулировании вооруженных конфликтов, почти всегда используя свои военные контингенты в де-юре небоевых (несиловых) формах [23].

Стратегия и тактика ФРГ в зонах нестабильности сочетали в себе интеграционные (обеспечение институционально оформленного взаимодействия или сотрудничества по линии ЕС и НАТО с игроком, пытавшимся встать на путь постконфликтного развития) и геополитические (обеспечение влияния и присутствия в стратегических значимых частях мира) детерминанты. На Балканах уместно говорить о примерно равном удельном весе этих детерминант во внешней политике ФРГ. На Среднем Востоке, в зоне Африканского рога, Сахаро-Сахельском регионе геополитические мотивы существенно преобладали над интеграционными. Их преимущество, но не столь значительное, наблюдалось и в военно-стратегической активности ФРГ в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Для всех рассматриваемых примеров характерно камуфлирование гео-

политических мотивов под интеграционные, что во многом достигалось активным использованием принципа мультилатерализма. Такие формы обеспечения стратегического влияния и присутствия потенциально были более эффективными, чем более ранние и традиционные, однако отнюдь не гарантировали от неудач. В начале 2020-х гг. официальный Берлин в полной мере столкнулся с проблемой обрушения своего военного присутствия вне зоны ответственности НАТО.

Обсуждение

Решение «германского вопроса» (1990) в интересах ФРГ как значимая часть свертывания конфронтации Запад—Восток создало благоприятные условия для выхода Германии в своей военно-стратегической активности за пределы зоны ответственности НАТО. Де-факто это стало осуществляться с начала 1990-х гг., де-юре — с 1994 г. в результате одобрения запроса правительства Федеральным конституционным судом и Бундестагом [23].

Являясь органичной частью сообщества «либеральных демократий», ФРГ в своей внешней политике стремилась к привитию их ценностей внешним игрокам, обеспечению сближения последних с Евро-Атлантическим сообществом. Такое партнерство, иногда переходя в союзничество, могло осуществляться в различных формах — непосредственное вступление в ЕС и/или НАТО, подписание соглашений об ассоциировании, осуществление под эгидой одного из евро-атлантических институтов реформы сектора безопасности государства, стремившегося вернуться на путь постконфликтного развития. Любая из этих форм сотрудничества подразумевала, что роль старшего партнера будет принадлежать институтам и ведущим государствам «коллективного» Запада. Общим для всех форм сотрудничества являлось движение по пути интегрирования (ассоциирования) внешнего игрока с Евро-Атлантическим сообществом. Однако такой подход отнюдь не исключал геополитических мотивов, которые открыто не декларировались, а камуфлировались под иные детерминанты. В этой связи показательна геостратегическая, а большинстве случаев и геоэкономическая ценность, которой обладала большая часть зон довольно масштабного использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО (от 300 военнослужащих и выше единовременно).

В самом начале 1990-х гг. ФРГ направила свои военные контингенты в зону Персидского залива (после окончания операции «Буря в пустыне»), Сомали и Аденский залив (в начале вооруженного конфликта в этой африканской стране) [23]. Через обе акватории пролегли оживленные торгово-транспортные пути, включая перевозку углеводородов, что представляло особую ценность для ФРГ с ее экспортно-ориентированной (в смысле продаж технологичной продукции) и зависимой от импорта природных ресурсов экономикой. Соответственно,

уже первые шаги в использовании бундесвера вне зоны ответственности НАТО показали особый интерес Германии к установлению военно-логистического контроля в геоэкономически особо значимых зонах. Однако в обоих случаях ФРГ не смогла обеспечить стратегического присутствия — в условиях разрастания гражданской войны в Сомали контингент бундесвера был эвакуирован в числе первых из состава миротворческой миссии ООН [23].

В середине — второй половине 1990-х гг. фокус военно-стратегического внимания Германии был перенесен на *балканское* направление: в числе ведущих игроков Запада ФРГ стала одним из модераторов формирующегося постъюгославского пространства. В рамках деятельности НАТО Германия выступила соинициатором военно-воздушных операций Альянса против Республики Сербской (1995) и Сербии (1999). По их завершении Германия направила в Боснию и Косово (а также в Македонию в 2001—2003 гг.) крупные контингенты в состав миссий блока по поддержанию мира [23]. Осевой для обеспечения присутствия ФРГ на Балканах оставалась миссия НАТО в Косово — KFOR [14]. Причины этого усматриваются не только в сложности ситуации именно в этой части постъюгославского пространства (последовательно подготавливаемое и осуществляемое при участии большинства стран Запада наделение края Косово формальным суверенитетом). Контроль над этим районом геополитически является важным индикатором влияния на все Балканы в целом, что отчетливо продемонстрировала еще битва на Косовом поле (1389). ФРГ обеспечивает здесь свое весьма сильное влияние не только по линии миссии НАТО, но также Конференции по Западным Балканам (механизм интегрирования региональных игроков в ЕС), посредством развития продвинутых двусторонних отношений [18]. Это правило вновь было подтверждено в условиях обострения ситуации на севере Косово (2022—2023).

В начале 2000-х гг. Германия, став активным участником Первой западной антитеррористической коалиции, созданной по инициативе США после актов мегатеррора 11 сентября 2001 г., развернула группировки бундесвера в Афганистане, а также у побережья *Сомали*, в *Аденском заливе* и Красном море [23]. Во втором случае ФРГ вновь пыталась контролировать геоэкономически важную зону, делая это в 2000-е гг. под эгидой НАТО, а с конца десятилетия — ЕС (миссия EUNAVFOR Atalanta по борьбе с пиратством, дополняемая вкладом в реформу армии и сил охраны побережья Сомали) [13, 21, 23]. С одной стороны, вклад Германии содействовал снижению угрозы пиратства и ослаблению террористической группировки «Аш-Шабаб»* в Сомали [21]; с другой — ни одна из этих проблем, особенно вторая, не была решена в должной мере. На этом фоне ФРГ в конце 2010-х — начале 2020-х гг. свернула

---

*Организация запрещена на территории Российской Федерации.

свое разнородное военно-стратегическое присутствие в районе Африканского рога [13], потерпев уже повторную (после начала 1990-х гг.) неудачу.

Аналогичным оказался итоговый результат попыток обеспечения присутствия в *Афганистане*. На фоне существенного ослабления «Аль-Каиды»* и поражений (но отнюдь не разгрома) афганского «Талибана»* в 2001—2002 гг. ФРГ активно включилась в урегулирование, внося заметный вклад в усилия «западных демократий» по «нациестроительству» в Афганистане, т.е. выстраивания обновленного института государства с инкорпорированием «западных ценностей» [23]. Примечательно, что возникающая и резко наращиваемая военная активность ФРГ в Афганистане, т.е. Среднем Востоке, стартовала на фоне отсутствия сколько-нибудь заметных стратегических позиций в сопредельных регионах — на Ближнем Востоке, постсоветском пространстве, Юго-Западной Азии. Это стало косвенным подтверждением того, что при выстраивании стратегии ФРГ на афганском направлении преобладали именно геополитические мотивы. Прямое доказательство этого — получившее широкую известность изречение о важности использования бундесвера на Гиндукуше, принадлежавшее тогдашнему министру обороны П. Штруку [20]. Показательно, что именно при нем была четко сформулирована концепция строительства вооруженных сил, нацеленная на обеспечение предельно широкого присутствия на глобальном уровне. По объему на протяжении двух десятилетий (2002—2021) ключевым здесь оставался именно афганский трек. ФРГ последовательно несла главную нагрузку в многосторонней военной деятельности (выполнение задач по патрулированию, борьба с повстанцами, участие в подготовке кадров правительственных войск и сил безопасности) на севере Афганистана как в период деятельности миссии ISAF, так и пришедшей ей на смену Resolute Support. На пике усилий (в начале 2010-х гг.) численность контингента бундесвера составляла до 5 тыс. военнослужащих с финансированием только на поддержку сил бундесвера более 1 млрд евро ежегодно [3]. Показательна настойчивость ФРГ в стремлении сохранять долгосрочное военное присутствие в Афганистане под эгидой НАТО. Германия не пошла на его редукцию на фоне переговоров и выхода администрации США при Д. Трампе на «сделку» с «Талибаном»* (29 февраля 2020 г.), предполагавшую вывод войск в течение 14 месяцев [10]. Лишь итоговое решение Белого дома при Дж. Байдене от 13—14 апреля 2021 г. о выполнении договоренностей вынудил ФРГ включиться в общий экстренный вывод войск НАТО (де-факто уже к 1 июля 2021 г.) и тем вызвал глубокое разочарование у официального Берлина. Лишение стратегического присутствия в Афганистане стимулировало Германию к поиску треков военной активности, которые

---

*Организация запрещена на территории Российской Федерации.

могли бы компенсировать утраты, прежде всего в Индо-Тихоокеанском регионе.

На *Ближнем Востоке* ФРГ активизировала использование бундесвера со второй половины 2000-х гг., первоначально сосредоточившись на принятии роли гаранта безопасности для Ливана после окончания «33-дневной войны» (2006). Вклад ФРГ в обеспечение неприкосновенности морских границ страны (по линии миссии ООН UNIFIL) дополнялся таковым в реформу сектора безопасности официального Бейрута и противодействием «Хезболле» [23]. Исходя из действий Германии, Ливану отводилась роль значимого элемента «пояса безопасности и процветания» из расположенных на восточном и южном побережьях Средиземного моря государств. «Пояс» выстраивался в интересах Европейского союза на стратегических подступах к нему, выполняя одновременно две функции, — демонстрация выгоды инкорпорирования ценностей «либеральной демократии» странами Азии и Африки и принятие на себя угроз нестабильности, которые проецировались на территорию объединения извне. Однако, как показал миграционный кризис 2015—2016 гг. и теснейшим образом связанный с ним рост террористической активности на территории ЕС, концепция «пояса» оказалась во многом несостоятельной. Само проецирование мощных угроз нестабильности в сторону государств — членов НАТО и ЕС объяснялось во многом их собственными ошибками. Прежде всего, это вторжение в Ирак (2003) «коалиции желающих» во главе с США, что привело к критическому ослаблению института государства, полураспаду страны; исключительная поддержка ведущими странами Запада в условиях гражданской войны в Сирии (с 2011 г.) «умеренной» оппозиции, продемонстрировавшей неспособность дистанцироваться от радикальных сил и тем более успешно им противостоять. Эти тактики привели к образованию и резкому усилению на сирийско-иракском направлении «Исламского государства»*, чьи успехи в середине 2010-х гг. привели к фактическому превращению стран — участниц НАТО и ЕС из субъектов борьбы с нестабильностью в объекты для ее проецирования. Западные игроки, несмотря на создание ими Второй антитеррористической коалиции, оказались не способны переломить данную тенденцию — критического ослабления ИГ* смогла достичь только группа западных игроков в составе России, официального Дамаска и Ирана [2].

Эти события нанесли очень болезненный урон имиджу ФРГ как неофициальному лидеру Европейского союза, поставив вопрос о корректировке ранее реализуемой модели стратегического проникновения на Ближний Восток и в Африку. Официальный Берлин продолжил усилия по укреплению «пояса безопасности и стабильности» (в частности, попытавшись на рубеже 2010-х — 2020-х гг. стать модератором «ливийской проблемы» [19] как производной интервенции в эту африканскую

---

*Организация запрещена на территории Российской Федерации.

страну группы государств — членов НАТО во главе с Великобританией и Францией). Вместе с тем намного большее внимание, особенно в плане использования бундесвера, стало уделяться закреплению на территории фокусных партнеров, расположенных в глубине Ближнего Востока и северной части Африки. В первом случае речь шла об Иордании, которая на фоне углубления расхождений ФРГ с Турцией стала значимым реципиентом военного присутствия Германии в регионе, особенно используемого в Ираке и Сирии (в последнем случае использование бундесвера было свернуто в 2022 г.) [4].

В *северной части Африки* к середине 2010-х гг. ФРГ сфокусировала военно-стратегическое внимание на Мали, постепенно увеличивая свой вклад в урегулирование вооруженного конфликта в стране. В силу расположения в регионе и своих очертаний — «сцепка» двух трапеций, обращенных верхними основаниями друг к другу, — территория Мали может быть уподоблена огромным «воротам», от закрытия или открытия которых во многом зависела возможность выдвижения неконтролируемых масс мигрантов и беженцев из Африки в сторону ЕС. Геостратегическая значимость обеспечения стабильной ситуации в Мали приобрела особое значение в условиях вооруженного конфликта в этой стране (с предотвращенным риском обрушения института государства в 2012—2013 гг.) в увязке с хаотизацией обстановки в Ливии и весьма сложной ситуации в Нигере. Это делало маршрут Мали—Нигер—Ливия весьма вероятным направлением для возникновения еще одного мощного миграционного кризиса в сочетании с террористической угрозой в ЕС [11]. В случае превращения Мали в «бастион стабильности» ФРГ получала плацдарм для стратегического проникновения в регионы Африки южнее Сахары. При этом Мали, как и страны «сахельской пятерки» в целом (Буркина-Фасо, Мавритания, Нигер, Чад), не имела до середины 2010-х гг. сколько-нибудь разветвленных связей с ЕС и ФРГ — они стали возникать по мере вовлечения обоих при поддержке Франции как бывшей метрополии в урегулирование.

Соответственно, при использовании бундесвера в Мали, как и ранее в Афганистане, преобладали геополитические мотивы. В этой связи показательна и другая аналогия: малийский вектор со второй половины 2010-х гг. уверенно занял второе место (после афганского) по объему сил и средств, заметно обходя в этом отношении все остальные. При этом в Мали ФРГ уже изначально (т.е. с 2013 г.) задействовала бундесвер параллельно сразу в составе двух миссий: военно-тренировочной под эгидой ЕС (EUTM Mali) и миротворческой ООН (MINUSMA) [24]. Тем самым Германия одновременно участвовала в реформе сектора безопасности (добиваясь установления встроенного контроля над положением дел в Мали) и участвовала в реализации мер по поддержанию мира. Интересно, что в Афганистане эти задачи решались в рамках деятельности в одной миссии (ISAF), где изначально больший упор делался на вторую составляющую. В Мали, напротив, она была скорее вспомогатель-

ной до 2017—2018 гг., а затем обе компоненты стали примерно равноценными. Наконец, аналогия прослеживалась еще в ряде отношений — действия ФРГ и ее партнеров из числа стран Запада (США в Афганистане и Франции в Мали) не смогли обеспечить положительную «точку невозврата» в урегулировании, способность поддерживаемых успешно бороться с радикальными силами. В Мали эту функцию взяли на себя пришедшие к власти в результате силовой ее смены национальные военные. Сам факт принятия ими на себя функций высшего государственного управления — четко выраженное недовольство результативностью стран Запада (прежде всего, Франции) по борьбе с международным терроризмом, сросшимися с его структурами силами оргпреступности.

Де-юре, несколько дистанцируясь от Пятой республики (в частности, бундесвер не был использован во французских миссиях Serval, Barkhane, а также Takuba под эгидой ЕС, но с направляющей ролью официального Парижа), не в пример партнеру по тандему ФРГ смогла сохранить основы своего присутствия в Мали в начале 2020-х гг. [5]. Германская сторона настойчиво и последовательно боролась за это политико-дипломатически, достигнув определенных успехов. Однако и здесь повторилась ситуация, как на афганском направлении. Полученные результаты оказались кратковременными, тактическими: к середине 2020-х гг. стала очевидной неизбежность вынужденного свертывания основы военно-стратегического присутствия в Мали. Германия, как и Франция, пыталась сохранить его в Нигере, в дальнейшем рассчитывая вернуть как минимум часть утрачиваемых стратегических позиций в регионе «сахельской пятерки» [6].

К активизации обсуждения в общественно-политическом и научном дискурсе ФРГ геополитической детерминированности внешней политики страны неизбежно будет вести растущая вовлеченность Германии в выстраиваемые «либеральными демократиями» системы «сдерживания» западных держав — не только России, но также Китая и Ирана [15]. Логика этого процесса будет определять использование бундесвера не только (точнее, не столько) в геоэкономически, но прежде всего геостратегически важных районах, использование в которых оперативных группировок или как минимум расположение военных баз является чувствительным для оппонента.

Так, в контексте противодействия гипотетической «российской угрозе» Германия под эгидой НАТО заметно интенсифицировала участие бундесвера в военно-тренировочной деятельности на территории Норвегии, в сопредельных с ней морях [17], осуществляя стратегическое проникновение в Арктику. ФРГ по состоянию на 2023 г. единственная из стран — участниц Альянса приняла наибольшую удельную нагрузку по комплектованию боевых сил передового развертывания НАТО в Восточной Европе — в Литве и Словакии [16], тем самым была обеспечена симметричность военного присутствия в северной и южной частях

региона. Наконец, растущими по объему и, что не менее важно, ударной мощи единицы поставками вооружений и военной техники официальному Киеву руководство ФРГ четко демонстрирует повышенную заинтересованность в обеспечении собственного и «либеральных демократий» в целом присутствия в западной части постсоветского пространства [9]. С целью противодействия КНР (а также КНДР и РФ на Дальнем Востоке) ФРГ с 2021—2022 гг. стала обрабатывать направление кораблей ВМС и групп самолетов ВВС в Японию с опорой на ее базы [1, 7], включаясь в систему «сдерживания» и на Дальнем Востоке.

Увеличением вклада и роли в развитие конфронтации Запада с наиболее влиятельными незападными оппонентами ФРГ стремится завершить процесс утверждения в положении полновесного глобального игрока в военно-стратегическом отношении, который развивается, но без достижения результата, уже с начала XXI в. Переход к массовым поставкам летальных ВиВТ официальному Киеву является значимой тому иллюстрацией. Реализация комплекса соответствующих мер будет неизбежно приобретать растущую геополитическую подоплеку. Вписывание национальных усилий ФРГ в многосторонние, особенно в контексте «суверенизации» ЕС как объединения и резкого наращивания возможностей НАТО как организации, позволит лишь до определенных границ ретушировать геополитические мотивы внешней политики Германии.

Заключение

Геополитические мотивы присутствовали в военной деятельности ФРГ вне зоны ответственности со времени старта этого процесса в начале 1990-х гг. Показательно преобладание факторов данной группы над интеграционными при использовании бундесвера сразу на обоих наиболее масштабных направлениях его использования в XXI в. — в Афганистане и Мали. Притом геополитические причины весьма умело камуфлировались под задачи интегрирования (ассоциирования), также неизменно присутствовавшие на каждом треке военно-стратегической активности ФРГ вне зоны ответственности НАТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арзаманова Т. В.* Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 258—284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11
2. *Манойло А. В.* Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 145—172. DOI: 10.31249/ape/2020.02.06
3. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstrupe in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402,

- 13.01.2011. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/17/044/1704402.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
4. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte — Stabilisierung sichern, Wiedererstarben des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/408, 12.01.2022. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/004/2000408.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
5. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/017/2001761.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
6. Antrag der Bundesregierung. Letztmalige Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/6655, 03.05.2023. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/066/2006655.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
7. Besuch in Japan krönt Rapid Pacific 2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/besuch-in-japan-kroent-rapid-pacific-2022-5507982> (дата обращения: 12.06.2023).
8. *Buch F.* Weltordnung im Wandel. Geopolitik 2000: Deutschland in der Welt am Vorabend des 3. Jahrtausends. Fr./am-Main: Report Verlag, 1996.
9. Frieden und Freiheit in Europa verteidigen — Umfassende Unterstützung für die Ukraine // Plenarprotokoll 20/31. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 31. Sitzung. Berlin, 28. April 2022. S. 2719C—2736D, 2743A—2745D. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/20/20031.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
10. *Glatz R., Kaim M.* Mandat verlängern — Abzug vorbereiten // SWP-Aktuell. 2020. N 18. P. 1—8. DOI: 10.18449/2020A18
11. *Hanish M.* A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. 2015. N 8. P. 1—5.
12. *Haushofer K.* Geopolitische Grundlagen. Wien: Industrie Spaeth & Linde, 1935.
13. Horn von Afrika — EUNAVFOR Atalanta. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/horn-von-afrika-eunavfor-somalia-operation-atalanta-5397530> (дата обращения: 12.06.2023).
14. Kosovo: Längster Einsatz der Bundeswehr. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/die-bundeswehr-im-kosovo/kosovo-laengster-einsatz-bundeswehr-5542222> (дата обращения: 12.06.2023).
15. NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022.
16. NATO's military presence in the east of the Alliance. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 12.06.2023).
17. Neue U-Boote und Seeziel-Flugkörper für die Marine. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/ausruistung-baainbw/aktuelles/deutsch-norwegische-u-boote-und-seeziel-flugkoerper-5109534> (дата обращения: 12.06.2023).
18. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem kosovarischen Ministerpräsidenten Kurti am 10. Juni 2022 in Pristina. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-kosovarischen>

ministerpraesidenten-kurti-am-10-juni-2022-in-pristina-2051086 (дата обращения: 12.06.2023).

19. Pressekonferenz zum Abschluss der Berliner Libyen-Konferenz in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-zum-abschluss-der-berliner-libyen-konferenz-1713884> (дата обращения: 12.06.2023).

20. Rede des Bundesministers der Verteidigung, Dr. Peter Struck. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-des-bundesministers-der-verteidigung-dr-peter-struck--784328> (дата обращения: 12.06.2023).

21. Somalia — European Union Training Mission Somalia. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/eutm-somalia> (дата обращения: 12.06.2023).

22. Szabo S.F. Germany, Russia and the rise of geo-economics. L.: Bloomsbury, 2015.

23. The Bundeswehr on operations. B.: Federal Ministry of Defense, 2009.

24. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/180/1918080.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).

REFERENCES

1. Arzamanova T.V. 2022. “Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry”. *Current problems of Europe*, no. 4, pp. 258—284. (In Russ.). DOI: 10.31249/ape/2022.04.11

2. Manoilo A.V. 2020. “Conflict in Syria and Russian foreign policy activism”. *Current problems of Europe*, no. 2, pp. 145—172. DOI: 10.31249/ape/2020.02.06 (In Russ.)

3. Application by the Federal government. Continuation of the participation of German armed forces in the deployment of the International Security Assistance Force in Afghanistan. 2011. German Bundestag, 17. Election Period. Printed Matter 17/4402. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/17/044/1704402.pdf> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

4. Application by the Federal government. Continuation of the deployment of German armed forces — ensuring stabilization, preventing the resurgence of IS, promoting reconciliation in Iraq. 2022. German Bundestag, 20. Election Period. Printed Matter 20/408. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/17/044/1704402.pdf> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

5. Application by the Federal government. Continuation of the deployment of German armed forces in the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali (MINUSMA). 2022. German Bundestag, 20. Election Period. Printed Matter 20/1761. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/17/044/1704402.pdf> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

6. Application by the Federal government. The continuation of the deployment of German armed forces in the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali (MINUSMA). 2023. German Bundestag, 20. Election Period. Printed Matter 20/6655. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/066/2006655.pdf> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

7. Visit to Japan crowns Rapid Pacific 2022. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/besuch-in-japan-kroent-rapid-pacific-2022-5507982> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

8. Buch F. 1996. *World order in transition. Geopolitics 2000: Germany in the world on the eve of the 3rd millennium*. Frankfurt-am-Main, Report Verlag. (In Germ.)

9. Defend peace and freedom in Europe — Comprehensive support for Ukraine. 2022. Plenary Protocol 20/31. German Bundestag, 20. Election Period. Stenographic Report 31 Meeting. Berlin, 28 April 2022. Pp. 2719C—2736D, 2743A—2745D. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btp/20/20031.pdf> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

10. Glatz R., Kaim M. 2020. “Extend mandate — prepare withdrawal”. *SWP-Aktuell*, no. 18, pp. 1—8. DOI: 10.18449/2020A18 (In Germ.)

11. Hanish M. 2015. “A new quality of engagement Germany’s extended military operation in Northern Mali”. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper*, no. 8, pp. 1—5.

12. Haushofer K. 1935. *Geopolitical fundamentals*. Wien, Industrie Spaeth & Linde. (In Germ.)

13. *Horn of Afrika — EUNAVFOR Atalanta*. 2022. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/horn-von-afrika-eunavfor-somalia-operation-atalanta-5397530> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

14. *Kosovo: Longest deployment of the Bundeswehr*. 2022. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/die-bundeswehr-im-kosovo/kosovo-laengster-einsatz-bundeswehr-5542222> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

15. NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. 2022. Brussels, NATO HQ.

16. NATO’s military presence in the east of the Alliance. 2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed: 12.06.2023).

17. New submarines and anti-ship missiles for the Navy. 2021. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/ausruestung-baainbw/aktuelles/deutsch-norwegische-u-boote-und-seeziel-flugkoerper-5109534> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

18. Pressconference by Chancellor Scholz and Kosovo Prime Minister Kurti on June 10, 2022 in Pristina. 2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-kosovarischen-ministerpraesidenten-kurti-am-10-juni-2022-in-pristina-2051086> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

19. Press conference at the end of the Berlin Libya Conference in Berlin. 2020. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-zum-abschluss-der-berliner-libyen-konferenz-1713884> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

20. Speech by the Federal Minister of Defense, Dr. Peter Struck. 2002. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-des-bundesministers-der-verteidigung-dr-peter-struck--784328> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

21. Somalia — European Union Training Mission Somalia. 2020. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/eutm-somalia> (accessed: 12.06.2023).

22. Szabo S.F. 2015. *Germany, Russia and the rise of geo-economics*. London, Bloomsbury.

23. The Bundeswehr on operations. 2009. Berlin, Federal Ministry of Defense.

24. Information from the Federal Government. Report from the Federal Government on the situation and German involvement in Mali/Sahel. Current situation, goals and areas of action of German commitment. 2020. German Bundestag, 19. Elec-

tion Period. Printed Matter 19/18080. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/180/1918080.pdf> (accessed: 12.06.2023). (In Germ.)

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. *Arzamanova T.V.* Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tikhookeanskom regione v usloviyakh vozvrashcheniya sopernichestva velikikh derzhav // Aktual'nye problemy Evropy. 2022. № 4. S. 258—284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11

2. *Manoilo A.V.* Konflikt v Sirii i vneshnyaya politika Rossii // Aktual'nye problemy Evropy. 2020. № 4. S. 145—172. DOI: 10.31249/ape/2020.02.06